

# ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ PROBLEMA PRINCIPALE

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.009-016

С. В. Кабышев

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации  
г. Москва, Российская Федерация

## Право как фактор технологического лидерства

**Резюме.** В статье анализируется роль права как системообразующего фактора технологического лидерства России. Автор критикует узкоинструментальный подход, сводящий право к «сервисному» обеспечению инноваций, и обосновывает необходимость перехода к новой парадигме, где право выступает не реактивным регулятором, а конституирующим началом научно-технологического развития. Ключевая идея — право должно формировать технологическую этику, базирующуюся на традиционных духовно-нравственных ценностях, и обеспечивать биосферно-техносферный баланс («регенеративная» модель вместо линейной индустриальной). Особое внимание уделяется антропологическим рискам технокapитализма и трансгуманизма: замещение личности «оператором» или потребителем, утрата свободы воли, достоинства и равенства. Право призвано удерживать научный поиск в нравственно-этических границах, реализуя задачи «антропологического фронта». Автор различает этатизм (подчинение науки политической конъюнктуре) и национальную ориентацию науки как служение общему благу. Фундаментальная наука трактуется как стратегический резерв нации, обеспечивающий автономное целеполагание и цивилизационную идентичность. Технологическое лидерство, по мнению автора, не сводится к установке «догнать и перегнать», а предполагает выработку собственных стандартов с учетом социокультурного кода России. Право должно перейти к опережающему, проективно-адаптивному регулированию, включая моделирование «регуляторных развилок» и создание правовых «предохранителей». Критикуется поверхностное понимание рамочного регулирования — закон должен задавать жесткий ценностный каркас, а не просто делегировать полномочия. Отдельно предложено усилить юридическую значимость рекомендательных норм Государственной Думы как инструмента индикативного планирования в правотворчестве.

**Ключевые слова:** научно-технологическое лидерство; национальная ориентация науки; фундаментальная наука; биосферно-техносферный баланс; опережающее правовое регулирование

**Для цитирования:** Кабышев С. В. Право как фактор технологического лидерства. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 9–16. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.009-016

### Law as a Driver of Technological Leadership

Sergei V. Kabyshev

The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation  
Moscow, Russian Federation

**Abstract.** The paper analyzes the role of law as a system-forming factor in Russia's technological leadership. The author criticizes a narrowly instrumental approach that reduces law to a «service» function supporting innovation and argues for a shift to a new paradigm where law acts not as a reactive regulator but as a constitutive foundation of scientific and technological development. The key idea is that law should shape technological ethics grounded in traditional spiritual and moral values and ensure a balance between the biosphere and the technosphere — a «regenerative» model rather than a linear industrial one. Particular attention is paid to the anthropological risks

© Кабышев С. В., 2026

of techno capitalism and transhumanism: the replacement of the individual by an «operator» or consumer, and the loss of free will, dignity, and equality. Law is called upon to keep scientific inquiry within moral and ethical boundaries, fulfilling the tasks of the «anthropological frontier». The author distinguishes between *statism* — the subordination of science to political expediency — and the national orientation of science as service to the common good. Fundamental science is treated as a strategic reserve of the nation, ensuring autonomous goal-setting and civilizational identity. In the author's view, technological leadership is not reducible to the imperative to «catch up and overtake». On the contrary, it presupposes the development of Russia's own standards, taking into account its sociocultural code. Law must move toward anticipatory, projective-adaptive regulation, including the modeling of «regulatory forks» and the creation of legal «safeguards». The paper criticizes a superficial understanding of framework regulation: the law should establish a firm value-based framework, not merely delegate authority. Separately, the author proposes strengthening the legal significance of the State Duma's nonbinding recommendations as an instrument of indicative planning in lawmaking.

**Keywords:** scientific and technological leadership; national focus of science; fundamental science; biosphere-technosphere balance; proactive legal regulation

**Cite as:** Kabyshev SV. Law as a Driver of Technological Leadership. *Lex russica*. 2026;79(7):9-16. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.009-016

Обсуждение роли права как фактора технологического лидерства требует внимания не столько к нюансам совершенствования отдельных регулятивных механизмов в конкретных «наукоемких» отраслях (это, безусловно, важно, но не первостепенно), сколько к раскрытию системного, парадигмального и макро-социального влияния, которое право призвано оказывать на осуществление технологического прорыва и обеспечение реальной полноты суверенитета России в научно-технологической сфере. Подходя к этой теме, невозможно абстрагироваться от того, что сама «цивилизация права, которую так долго строило человечество ценой огромных жертв, методом кровавых проб и страшных ошибок, сейчас хрупка как никогда»<sup>1</sup>, и потому технологические вызовы, стоящие перед правом, приобретают, без преувеличения, экзистенциальный характер.

Когда мы рассматриваем право в научно-технологическом контексте, важно избегать искушения позитивистской простотой, а также ограниченного взгляда, при котором праву отводится главным образом инструментально-обеспечительная роль по отношению к научно-техническому развитию. При всей при-

влекательности такого подхода, объясняемого целями повышения экономической результативности, происходит редукция права к средству ускорения и внедрения инноваций, несущая стратегические риски и последствия. Право не может быть сведено к «сервисному» функционалу, оно призвано выступать не просто сопровождающим регулятором, а источником и мерой научно-технологического развития, его живым и деятельным началом, обеспечивать устойчивость развития через восстановление и поддержание биосферно-техносферного баланса<sup>2</sup>.

Эксперты констатируют исчерпанность индустриальной модели «добыча — производство — утилизация», что в теоретико-правовом измерении означает кризис линейной правовой регуляции, требует формирования новой правовой парадигмы, основанной на «регенеративной» модели: право должно обеспечивать встраивание техносферы в биосферные циклы без разрыва между ними, а эффективность правовой нормы требует измерения не по максимизации и скорости оборота благ, а исходя из способности обеспечивать и восстанавливать нарушенные экосистемные

<sup>1</sup> Зорькин В. Д. Конституционный контроль в условиях глобальных вызовов. Доктрина и методология (доклад на международной конференции «Конституционный контроль и глобальные вызовы современности», Санкт-Петербург, 20 мая 2026 г.) // URL: <https://www.ksrf.ru/about/External/Conferences/Documents/2026.%20Доклад.%20В.Д.%20Зорькин.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).

<sup>2</sup> См. подробнее: экспертное заключение по итогам сессии Форума будущих технологий (2025) «Природоподобные технологии: восстановление баланса между биосферой и техносферой» // URL: [https://roscongress.ru/materials/prirodopodobnye-tekhnologii-kak-strategicheskoe-napravlenie-vosstanovleniya-biosferno-tekhnosfernogo/?utm\\_referrer=https%3A%2F%2Froscongress.ru%2Fsessions%2Ffbt-2025-de-lovaya-programma-prirodopodobnye-tekhnologii-vosstanovlenie-balansa-mezhdu-biosferoy-i-tekhnosferoy%2Fmaterials%2F](https://roscongress.ru/materials/prirodopodobnye-tekhnologii-kak-strategicheskoe-napravlenie-vosstanovleniya-biosferno-tekhnosfernogo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Froscongress.ru%2Fsessions%2Ffbt-2025-de-lovaya-programma-prirodopodobnye-tekhnologii-vosstanovlenie-balansa-mezhdu-biosferoy-i-tekhnosferoy%2Fmaterials%2F) (дата обращения: 20.05.2026).

связи. С этим связана и необходимость аксиологического смещения в понимании права от легитимации господства человека над природой к коадаптации — согласованному совместному («партнерскому») развитию, что служит контрапунктом укорененной доктрины субординации биосферы по отношению к технологическим благам и ценностям. Вопрос «как быстрее легализовать изобретение» не может являться самоценным и должен следовать за вопросом, соответствует ли это изобретение идее человека и общему благу. Само правовое понимание научно-технологического развития неверно сводить к определенным овеществленным (материальным) формам могущества, измерять его утилитарным, предметным избытием «земных благ».

Развитие науки и техники исторически обосновывалось не только ростом комфорта, но и расширением горизонтов познания, самосозиданием, культурным (идейно-духовным) возвышением человека. Однако логика технокapитализма, спаянного с трансгуманизмом, предлагает оценивать прогресс как таковой сквозь призму прежде всего эффективности, производительности, потребительской полезности. Это угрожает фундаментальным антропологическим разрывом, при котором человек как личность и субъект права замещается той или иной моделью «оператора» или «потребителя благ», чья ценность приобретает экономически детерминированный характер. Выгоды, которые обещает трансгуманистический взгляд на прогресс, связаны с освобождением от «оков биологии» (страдания, старение, смерть). Но именно эти «оковы» в культуре, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях, являются фундаментом, на котором построены наполненные социально-позитивным смыслом понятия свободы, вины, ответственности (в их сопряжении с понятиями добра, совести, любви, сострадания). Постантропологическая модель прогресса ведет к цивилизации, где не будет места не только современному человеку, воспринявшему традиционное наследие, но и самим представлениям о том, что считать человечностью, включая такие отправные юридические категории, как свобода воли (поскольку поведение подчиняется алгоритмам), равенства (сменяемого кибернетической кастовостью), достоинства (поскольку

имманентную ценность нельзя приписать технически сконструированному объекту).

Возьмем для примера нейроинтерфейсы и системы предиктивной аналитики поведения. Если алгоритм способен предсказать противоправное действие до его совершения, то юридическая конструкция вины как психического отношения к содеянному теряет смысл. Право оказывается перед выбором: либо признать человека кибернетическим объектом, управляемым внешними вычислениями, либо запретить использование таких систем в деликтных отношениях. Формально нейтральный подход здесь невозможен, и это образует один из экзистенциальных вызовов.

Поэтому право в контексте научно-технологического развития должно занять не обслуживающую, а конституирующую (учредительную, организующую и системообразующую) позицию, оно не может оставаться нейтральным инструментом, а призвано активно формировать новую технологическую этику, закрепляя мировоззренческий социогуманистический императив через принципиальные установки и целеполагание. Нельзя не согласиться с тем, что для создания эффективной законодательной базы необходим системный подход, определяющий векторы развития<sup>3</sup>. Речь идет о ценностной ориентации в условиях формирования техносоциальной реальности, об удержании научного поиска в нравственно-этических границах и достижении того, чтобы технологии развивались не ради технологий, а ради человека и общества. Технология, лишенная ценностного измерения, грозит в конечном счете не просто порабощением человека, но расчеловечиванием самой жизни. Миссия права может быть описана через категорию антропологического фронта, что предполагает регулирование, при котором технологии, умножая потенциал человека, не выхолащивают его духовную суть. В этом плане право должно действовать в качестве того мобилизующего и метанормативного фактора, который интегрирует и формализует (с приданием определенности, общеобязательности и публично-властного подкрепления) оценочные критерии социально полезного, необходимого и приемлемого, выработанные в рамках всех других наук.

Оно исконно предназначено для оправдания и утверждения добра (должного, правиль-

<sup>3</sup> Подройкина И. А., Попова Л. А. Использование биотехнологий в контексте обеспечения национальной безопасности России // Государство и право. 2026. № 2. С. 141.

ного, справедливого, минимального стандарта нравственности), а потому не может использоваться для легитимации любых технически осуществимых действий (решений). Следует поэтому с большим вниманием отнестись к осмыслению философско-правового, а не только юрико-нормативного содержания вновь закрепленной конституционной категории социально ориентированной государственной политики в области науки (п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ). Это обязывает государство не просто сообразовать научно-технологическое развитие с установками национальной культуры и стратегическими приоритетами общего блага, но и тщательно взвешивать научно-технологическую политику на правовых весах прогресса, соизмеряя текущие и партикулярные выгоды с ответственностью перед наследием, воспринятым от предков, и будущими поколениями.

Здесь нельзя обойти вниманием обросший различными спекуляциями вопрос о национальной роли (в сущности, о патриотизме) науки, который не просто имеет юридическое измерение, но и непосредственно характеризует роль права в научно-технологической сфере. Никто не спорит с тем, что нет национально-специфической (т. е. географически особенной) физики или химии в том смысле, что законы окружающего мира едины для всех. Но это вовсе не означает, что наука, которая представляет собой не только систему знаний, но и социальный институт, как таковая является вне- и наднациональной. Наука в ее социальном значении должна служить общественным и государственным интересам и задачам, подчиняться установкам, ценностным императивам и морально-политическим предпочтениям, проистекающим из национальной культуры. Патриотизм науки — не идеологический ярлык, не административный окрик, не формальная рамка отчетности, а объективное призвание и долг. Наука должна давать человеку, обществу, государству в целом надежные, обоснованные возможности гармоничного («партнерского») использования сил природы. Поэтому подлежащее правовой формализации требование национальной ориентированности науки — не покушение на свободу познания, а установление юридической связи между публичным финансированием, социальным предназначением

и ответственностью научной деятельности. Игнорирование национального интереса в науке, институционально обусловленной использованием ресурсов общества, вступает в конфликт с принципом народного суверенитета, определяющего принадлежность всех источников власти народу.

Национально ориентированный характер науки неправильно отождествлять с этатизмом. Само представление о том, что этатистская модель науки означает придание государству роли единоличного собственника науки и, соответственно, определение государством в том числе направлений научной политики, средств и технологий ее реализации, целеполагания научных исследований, осуществление материально-технического обеспечения научной деятельности, формирование стимулов, ограничений и запретов, носит внутренне противоречивый характер<sup>4</sup>. Указанное отождествление проистекает из смешения двух принципиально разных оснований должностования. Этатизм, если говорить об этом в строгом смысле, предполагает подчинение науки **властной (политической) целесообразности**, т.е. конъюнктурным, административным или политическим интересам государственного аппарата как самодовлеющей силы. В этой логике наука ценна не своим содержанием, а лояльностью и инструментальной полезностью для текущей политической повестки, критерий истины подменяется критерием административно-бюрократического одобрения. Национальная же ориентация науки покоится на принципиально ином фундаменте — идее **служения общему благу** народа как источнику и носителю суверенитета.

Государство здесь выступает не «собственником науки», а представителем и гарантом всеобщего публичного интереса, действуя в рамках права, которое связывает и само государство. Право в этой модели играет ключевую опосредующую роль. Оно формализует национальные цели научно-технологического развития не через произвольные директивы, а через нормативно закрепленные приоритеты, прошедшие публичную легитимацию (законодательные акты, правовые стратегии, доктрины), а финансирование и контроль результативности применяются в качестве механизма подотчетности перед обществом, которому наука в конечном

<sup>4</sup> Ромашов Р. А., Ромашова Г. Т., Сафин З. Ф. Публично-правовые основания обеспечения научного суверенитета в пространстве СНГ // Правовое государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 209.

счете и обязана служить. Следовательно, в отличие от этатизма, национально ориентированная модель подразумевает не «растворение» науки в государственно-политических отношениях, а ее четкое правовое сопряжение с публичными интересами, где и государство, и научное сообщество равно связаны общей целью — социальным, культурным и духовным прогрессом нации. Именно эту связь наука не может игнорировать без риска утратить свое социальное основание (и оправдание).

В этом смысле право должно не только распределять ресурсы и расставлять «красные флажки», т.е. говорить «да» или «нет» конкретным технологиям, но и, прежде всего, формировать внутренние установки и побудительные мотивы ответственного служения каждого профессионала — ученого, инженера, программиста — своему Отечеству.

Но здесь требуется принципиальная оговорка, без которой мы можем вновь прийти к опасной утилитарной крайности. Когда мы говорим, что право должно стимулировать научный поиск, ориентированный на общественное благо, мы не можем сводить это благо к сиюминутной, обозримой практической отдаче, делая акцент на прикладной, технико-технологической стороне научной сферы. Фундаментальная наука — не абстрактное интеллектуально-мировоззренческое излишество, а стратегический резерв нации, который определяет для нее долгосрочный запас цивилизационной прочности. В этом плане вполне естественным и принципиально значимым является тот факт, что конституционное закрепление императива сохранения и развития научного потенциала Российской Федерации (п. «в.1» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ) состоялось в единой системной связи с утверждением цивилизационной идентичности российской государственности, основанной на тысячелетней истории, сохранении памяти предков и преемственности в развитии (ст. 67.1 Конституции РФ).

Системное восприятие данных конституционных положений — не умозрительное, а объективное, поскольку научный потенциал как основа будущего проистекает из вековых достижений. Сама наука в этом аспекте может быть представлена как институциональная форма, через которую память о прошлом переводится в проект будущего, не позволяя прерваться исторической преемственности. При этом конституционно-политическая ценность фундаментальной науки состоит в том, что именно

она определяет потенциал автономного целеполагания: государство, лишенное фундаментальной науки, обречено на заимствование не только конечных технологий, но и заложенных в них ценностно-культурных установок, образов мира, что является латентной (но от того не менее существенной) формой цивилизационной эрозии. Конституционный императив сохранения и развития научного потенциала, взятый в единстве со ст. 67.1 Конституции РФ, означает на принципиально-правовом уровне, что государство не может идти по пути утилитарной редукции, оно обязано обеспечивать науку как форму самопознания и самосозидания нации (что естественным образом обязывает к безусловному, непрерывному подкреплению фундаментальной составляющей).

Вместе с тем если смотреть на вопрос в собственно практическом, историко-ретроспективном аспекте, то нужно констатировать: исследования, казавшиеся современникам абсолютно отвлеченными и бесполезными, могут стать фундаментом для технологических революций. Квантовая механика в момент своего зарождения не обещала ни транзисторов, ни лазеров, ни вычислительных машин. А расшифровка структуры ДНК не имела немедленного фармацевтического применения, но открыла дорогу всей современной геномике и персонализированной медицине.

Право, если оно претендует на стратегическое мышление, обязано учитывать эту двойственную природу научного знания: оно должно защищать свободу и риск фундаментального поиска, исходя из понимания его долгосрочной, зачастую непредсказуемой результативности, и одновременно выстраивать жесткие критерии социальной отдачи для прикладных исследований и технологических разработок. Смешивать эти два режима, предъявлять к фундаментальной науке требования немедленного улучшения жизни — значит отказываться от собственного технологического будущего. Напротив, если в правовом стимулировании прикладных разработок мы не видим ясной социальной перспективы, реальных возможностей укрепления нашей способности отвечать на большие вызовы — тогда действительно такое стимулирование лишено смысла. Эта развилка — между защитой свободы фундаментального поиска и прагматичным нацеливанием прикладной науки на национальные задачи — и есть, возможно, одна из самых тонких настроек, которую предстоит найти законодателю.

Теперь следует непосредственно затронуть ключевой вызов, который стоит сегодня перед отечественным правом: обеспечение технологического лидерства. Здесь, на мой взгляд, принципиально важно избежать подмены понятий.

Технологическое лидерство не должно сводиться к примитивной логике «догнать и перегнать», к технологическому превосходству как абстрактной самоцели. Если ориентироваться исключительно на других, на чужие стандарты, рейтинги, критерии успеха, мы рискуем утратить понимание собственных реальных интересов, естественных ограничителей и уникального потенциала, равно как и своих слабостей, которые тоже надо знать и учитывать в стратегическом планировании.

Полагаю, что технологическое лидерство в том, чтобы уметь задавать собственные стандарты, быть лучшими в том, что нам действительно необходимо. Поэтому логика технологического лидерства должна быть выверена с учетом нашего уникального социокультурного и цивилизационного кода, географического размаха, плотности населения, климатических зон, структуры экономики, исторического опыта мобилизационных прорывов и эволюционных достижений. Задача законодателя — концептуально оформить и надлежаще нормативно подкрепить эти национальные принципы технологического развития, сделав их не просто ориентирами, а реально работающими юридическими механизмами.

Очевидно, что технологическое лидерство невозможно без лидерства правового. Это, если угодно, аксиома нашего времени. Право не может оставаться в традиционной роли реактивного, пассивно-реагирующего регулятора, который опирается на исторический опыт и предсказуемость изменений. Такой подход, к сожалению, до сих пор нередко доминирует, и право отвечает на случившиеся вызовы: возникла проблема — пишем нормативный акт, возникла новая технология — пытаемся «втиснуть» ее в существующие регулятивные схемы.

Но стремительность научно-технического прогресса, системная неопределенность его последствий, тем более если иметь в виду эффект взаимного наложения множества новых технологий, требуют перехода от реактивного к опережающему, проактивно-адаптивному регулированию. Мы должны формировать гибкие регулятивные режимы, которые обеспечивают тонкий баланс между стимулами для иннова-

ций и необходимыми превентивными ограничениями. И вопрос, конечно, не сводится к уже привычным экспериментальным правовым режимам, так называемым регуляторным песочницам. Нужен принципиально новый взгляд на право научно-технологического развития, включая научное обоснование сценарного правотворчества (например, через разработку норм, которые активируются — вступают в силу — при достижении определенных пороговых знаний технологических параметров, автоматически или по решению уполномоченного органа; подобная конструкция «спящего режима» не тормозит развитие, но предотвращает нормативный вакуум).

Речь идет о том, что мы должны научиться моделировать регуляторные развилки на годы вперед, видеть не только желаемые, но и потенциально опасные траектории, и создавать правовые «предохранители», которые позволят предотвратить негативные сценарии еще до того, как те станут реальностью. Это высший пилотаж юридической техники на базе стратегического научного прогнозирования, и нам предстоит его освоить.

В этом контексте хотел бы отдельно отметить важность переосмысления так называемого рамочного регулирования.

Существует распространенное и, на мой взгляд, очень опасное заблуждение, что рамочный закон — это панацея. Причем нередко под «рамочностью» часто понимают просто распределение компетенции в пользу подзаконных регуляторов. Логика такая: законодатель дает полномочия, а уже исполнительная власть, которая расторопнее и «ближе» к отраслевым проблемам и потребностям, заполнит эти «рамки» необходимым содержанием. Считаю, что это вредная иллюзия. Закон должен четко задавать цели, задачи, принципы, ценностные ориентиры, которые реально дисциплинируют нижестоящие уровни регулятивной системы и выполнение которых может быть проверено. Это должен быть жесткий юридический каркас, внутри которого исполнительная власть получает оперативно-тактическую свободу маневра для реализации стратегического вектора. Именно такая конструкция обеспечивает надлежащую правовую субординацию, при которой первоисточником права является закон, выражающий волю общества.

В этой связи особое значение приобретает развитие инструментов парламентского права, тем более в контексте новой конституционной

модели взаимоотношений на федеральном уровне законодательной и исполнительной власти.

Имею в виду прежде всего так называемые рекомендательные нормы Государственной Думы, которые сегодня зачастую воспринимаются как факультативные, как некий политический ритуал, но они должны стать действенным и эффективным механизмом своеобразного «индикативного планирования» в правотворчестве.

Когда Государственная Дума принимает постановления по итогам «правительственных часов» или сопровождает принятие закона конкретными рекомендациями, это не просто «благопожелания» депутатов, которые можно вежливо выслушать и благополучно забыть. Это выверенные, закреплённые коллегиальным решением смысловые ориентиры для реализации законодательства, которые обладают высокой

степенью политико-юридической значимости. И если происходят необоснованные, немотивированные отступления от этих парламентских рекомендаций — это должно становиться прямым и неоспоримым поводом для депутатов вернуться к вопросу о работе закона, включая оценку необходимости его корректировки. Именно так выстраивается полноценная система обратной связи, превращающая право в живой, развивающийся «организм», способствующий суверенному технологическому лидерству.

Сегодня перед нами стоят колоссальные по масштабу, сложности и ответственности задачи. Но именно в такие моменты право раскрывает свой подлинный потенциал как фактор цивилизационного развития. Отечественная доктринальная юриспруденция должна работать так, чтобы позитивное право не догоняло реальность впопыхах, а уверенно шло впереди, освещая дорогу.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зорькин В. Д. Конституционный контроль в условиях глобальных вызовов. Доктрина и методология (доклад на международной конференции «Конституционный контроль и глобальные вызовы современности», Санкт-Петербург, 20 мая 2026 г.) // URL: <https://www.ksrf.ru/about/External/Conferences/Documents/2026.%20Доклад.%20В.Д.%20Зорькин.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).
- Подройкина И. А., Попова Л. А. Использование биотехнологий в контексте обеспечения национальной безопасности России // Государство и право. 2026. № 2. С. 133–144.
- Ромашов Р. А., Ромашова Г. Т., Сафин З. Ф. Публично-правовые основания обеспечения научного суверенитета в пространстве СНГ // Правовое государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 207–214.

#### REFERENCES

- Podroykina IA, Popova LA. The Use of Biotechnology in the Context of Russia's National Security. *The State and Law*. 2026;2:133-144. (In Russ.).
- Romashov RA, Romashova GT, Safin ZF. Public Law Foundations for Ensuring Scientific Sovereignty within the CIS Space. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026;1:207-214. (In Russ.). DOI 10.33184/ pravgos-2026.1.21.
- Zorkin VD. Constitutional Control in the face of Global Challenges. Doctrine and Methodology (report at the international conference «Constitutional control and global challenges of our time», St. Petersburg, 20 May 2026). Available at: <https://www.ksrf.ru/about/External/Conferences/Documents/2026.%20Доклад.%20В.Д.%20Зорькин.pdf> [Accessed 20.05.2026]. (In Russ.).

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Кабышев Сергей Владимирович**, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, заслуженный юрист Российской Федерации  
д. 1, Охотный Ряд ул., г. Москва 103265, Российская Федерация  
[svkabyшев@mail.ru](mailto:svkabyшев@mail.ru)

---

**INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**

**Sergei V. Kabyshev**, Cand. Sci. (Law), Professor, Department of Municipal and Constitutional Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education of the Federal Assembly of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation  
svkabyshev@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 28 мая 2025 г.*

*Статья получена после рецензирования 28 мая 2026 г.*

*Принята к печати 15 июня 2026 г.*

*Received 28.05.2025.*

*Revised 28.05.2026.*

*Accepted 15.06.2026.*